

«ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС...»: НАРАСТАНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ США — КИТАЙ — РОССИЯ

В.А. Кременюк

С самого начала холодной войны, в частности после победы революции в Китае в 1949 г., «треугольник» США — Китай — Россия (тогда СССР) стал играть заметную роль в мировой политике. В определенные периоды времени его значение находилось в тени других сфер соперничества и противоборства: гонки стратегических вооружений между США и СССР, европейского узла противоречий, острых столкновений в «третьем мире» (к которому тогда Китай не принадлежал). Но при всем этом отношения между тремя крупнейшими величинами в мировой политике оставались где-то недалеко от ее эпицентра. Соединенным Штатам противостоял идеологический и политический блок СССР и Китая, и в Вашингтоне понимали, что на одновременное решение всех задач по борьбе с коммунизмом сил у Соединенных Штатов не хватит. Надо было выбирать, где концентрировать усилия, а это ослабляло в целом противодействие враждебной системе.

Необходимость действовать «на два фронта» проявилась уже в 1949–1950 гг., когда США затеялись с созданием блока НАТО в Западной Европе и одновременно вмешались в войну между Севером и Югом Кореи, взяв на себя функцию главной военной силы, противостоящей Северу. Получилось так, что Соединенные Штаты, располагая огромным военно-техническим преимуществом перед КНДР, не сумели добиться решительной победы и были вынуждены согласиться на перемирие между Севером и Югом по 38-й параллели, что не отвечало целям Пхеньяна, но все же было лучше,

чем поражение. В самих США это вызвало кризис в отношениях Белого дома с частью военного истеблишмента («дело Макартура»), а в их внешней политике — заставило согласиться на созыв Женевской конференции 1953 г. в составе пятерки великих держав (США, СССР, Великобритания, Франция и КНР) плюс Север и Юг Кореи для прекращения военных действий.

С точки зрения отношений в «треугольнике» это было достаточно красноречивой иллюстрацией, во-первых, существования «треугольника» как такового, а во-вторых, что при всех взаимных симпатиях и антипатиях у каждой вершины «треугольника», наряду с совпадающими, были свои автономные интересы: у США — избежать противоборства с двумя другими одновременно, у СССР — продемонстрировать Вашингтону свою «руководящую роль» в мировом коммунистическом движении, у Китая — самому участвовать в решении всех вопросов, относившихся к сфере его интересов (Корея, Тайвань, Индокитай, Тибет), без патронажа со стороны Москвы.

Признаки «треугольных» отношений можно видеть и в отдельных событиях того периода: колониальная война Франции в Индокитае и ее завершение в 1954 г., неоднократные кризисы между КНР и Тайванем в 1955 и 1959 гг., война во Вьетнаме в 1963–1973 гг. (когда США были вынуждены учитывать по отдельности фактор помощи Вьетнаму со стороны СССР и со стороны Китая), нарастание советско-китайских противоречий, увенчавшееся краткосрочной войной зимой 1969 г.

Наиболее активно о «треугольнике» отношений между США, СССР и Китаем начали писать в 1970-е гг., после тайной поездки в Китай в 1971 г. помощника президента США по национальной безопасности Г. Киссинджера и официального визита президента Р. Никсона в Китай в 1972 г. Еще на стадии разработки стратегии по выходу из войны во Вьетнаме, которая получила наименование «доктрина Никсона» (1970–1973 гг.), политика в отношении «треугольника» была сформулирована Вашингтоном как открытие «эры переговоров». Многие аналитики тогда обращали внимание в первую очередь на активные переговоры между СССР и США в области предотвращения случайной ядерной войны, торможения гонки вооружений и ограничения существующих стратегических потенциалов, отказа от развертывания противоракетной обороны (ПРО) и некоторых других принципиально важных для обеих держав и остального мира вопросов. Но наряду с этими переговорами и параллельно с ними происходили также интенсивные контакты между США и Китаем, в ходе которых было найдено временное решение проблемы Тайваня, установлены прямые отношения, согласованы правила поведения обеих держав в Восточной Азии, заложены основы взаимоотношений, позволившие начать активный обмен студентами и научными работниками, первые поставки в Китай американских высоких технологий (в частности, суперкомпьютеров).

Взамен сложившейся в 1950-е гг. структуры «треугольника», в которой США противостояли блоку двух коммунистических гигантов, в 1970-е гг. на базе свершившихся в советско-китайских отношениях перемен начала складываться совсем другая картина: США, СССР и Китай — как автономные величины, между которыми действовали разные комбинации отношений соперничества и сотрудничества. При этом, учитывая весьма напряженный и даже враждебный

характер отношений между Москвой и Пекином в тот период, Соединенные Штаты обрели возможность играть роль «балансира» этих отношений. В каких-то вопросах они демонстрировали близость с СССР (контроль над стратегическими вооружениями и поддержание баланса в Европе), а в каких-то — неизмеримо большую близость с Китаем (положение в Восточной Азии, поддержка китайской экономической реформы, отношения с Вьетнамом, положение в Юго-Восточной Азии).

В конце концов весь мир примирился с новой конфигурацией отношений в «треугольнике». В принципе это было принято и Советским Союзом в 1989 г., когда М.С. Горбачев совершил свою поездку в Китай, увенчавшуюся примирением двух держав и еще большей стабилизацией положения в рамках «треугольника». Отдавая должное усилиям китайского руководства в области преодоления вековой отсталости страны, и Советский Союз, и США обещали оказывать Пекину научно-техническую помощь, поставлять оборудование и технологии его промышленности, обучать специалистов. Эта известная параллельность позиций двух сверхдержав в принципе содействовала началу быстрого развития экономики КНР и решения ее социальных проблем. На первых этапах успехов экономических реформ в Китае они вызывали чувство одобрения и даже умиления в Москве и Вашингтоне.

Россия и Китай:

перемены в ландшафте «треугольника»

Одним из свойств международных отношений, в том числе и разных их комбинаций (союзы, блоки и др.), является то, что они могут переживать целые эпохи внутреннего развития в отдельных странах, оставаясь неизменными или же поддаваясь лишь небольшой коррекции. Одним из выдающихся примеров такой устойчивости международных коалиций можно считать сформированную в нача-

ле XX в. как ответ на рост роли Германии в Европе блок Антанты в составе Великобритании, Франции и России. Несмотря на позорный Брестский «мир» в 1918 г., отчуждение в 1920-х гг. между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, несмотря на «пакт о ненападении» между СССР и гитлеровской Германией 1939 г., все три державы плюс Соединенные Штаты вновь оказались в одной антигерманской упряжке, когда начались серьезные военные испытания Второй мировой войны.

Данный пример поясняет, что, несмотря на поразительные перемены в мире в последние двадцать лет, «треугольник» США — Китай — СССР (теперь Россия) остался, как и был, одной из основополагающих частей сложившегося мирового порядка. В его рамках действуют три крупнейшие державы современного мира, не являющиеся ни союзниками, ни откровенными противниками. Все три придерживаются схожих или близких взглядов на главные задачи современного мира, не декларируют намерения использовать силу для изменения сложившейся ситуации и готовы в разной степени к сотрудничеству на базе существующих общепринятых принципов.

Но наряду с этим в отдельных составляющих «треугольника» произошли серьезные перемены, которые привели как к изменениям в весе и роли отдельных вершин, так и к формированию других по сути отношений, дальнейшие последствия которых еще предстоит осознать.

Начать с самого драматического участника комбинации, с России. Советский Союз в итоге предпринятых советским руководством перемен («перестройки») распался на составлявшие его пятнадцать республик. Этот факт до сих пор вызывает горькие чувства у многих россиян, а для некоторых политиков он вообще стал «величайшей геополитической катастрофой» XX столетия. На деле бывшая Российская империя,

ставшая при коммунистах Советским Союзом, к концу века не избежала участи всех остальных империй, которые существовали на начало XX в. и ушли с исторической сцены: британской, французской, германской, испанской, португальской, японской, турецкой, австро-венгерской. Часть из этих империй распалась как итог военного поражения в Первой мировой войне (Турция и Австро-Венгрия), часть — как итог поражения во Второй мировой войне (Германия и Япония), остальные — вследствие освобождения колоний и распада колониальных владений (Великобритания, Франция, Испания, Португалия). Российская империя, распад которой начался после революции 1917 г. (независимость Польши, Финляндии, стран Балтии) и был приостановлен созданием военно-имперской системы СССР в 1922 г., последовала за всеми остальными, когда созданный коммунистической партией государственный механизм потерпел крах в 1991 г.

Россия, как наиболее крупный и исторически обусловленный наследник СССР, заняла его место в Совете Безопасности ООН, в ядерном уравнении с Соединенными Штатами и во многих других вопросах, включая место СССР в «треугольнике» отношений с США и Китаем. Тем более что территориальных изменений на Дальнем Востоке, где Россия граничит с Китаем, не произошло, а там, где появились новые соседи Китая — Казахстан и Кыргызстан, ничего выдающегося не случилось. Россия в силу естественного хода событий заняла место Советского Союза в этом «треугольнике», хотя здесь, как и в целом ряде других ситуаций, проявилось воздействие одной из самых сложных проблем ее новой внешней политики: кто такая Россия, какова ее глобальная миссия (если она есть), что она может предложить своим партнерам и нужно ли это им и многие другие вопросы, до сих пор не получившие четкого и ясного ответа.

Нет сомнений, что Россия — не Советский Союз, ни идеологически, ни политически. Оставаясь наследником Советского Союза, она до сих пор не решила, какую роль хотела бы играть в современной мировой системе. То, что ее часто именуют «великой державой», еще не означает, что она постигла, в чем сейчас состоит это «величие». Быть частью западного сообщества, которое во главе с США занимает доминирующее положение в мировой политике, Россия в силу целого ряда причин не может: экономически она «недоотягивает» до уровня развитых стран, политически она сама себя отрезала от них, придумав «суверенную демократию». В международно-политической сфере она строит свои отношения с другими странами на основе «решения проблем», что совсем не то, что «общие ценности». Поэтому и в «треугольнике» США — Китай — Россия она координирует свои интересы с двумя другими участниками, не строя при этом более близких отношений.

Это же можно сказать и о ее связях с Китаем. Формально Россия по своему положению и переживаемому периоду близка КНР. Именно эта близость позволяет причислять ее к группировке БРИКС в составе Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки, но на самом деле в Москве считают себя выше этой группы государств, хотя бы в силу наличия большего арсенала ракетно-ядерного оружия. Кроме того, понятно, что в рамках БРИКС Россия, как и все остальные участники, стремится решить основополагающую для себя задачу модернизации экономики и общественно-политического устройства (без которых модернизировать экономику не удастся), что объективно делает ее конкурентом остальных участников группировки на западных рынках. Развитые страны всех их разом в свои ряды не примут, поскольку это может разбалансировать деятельность созданных с таким трудом инте-

грационных механизмов. Поэтому одной из целей каждого члена БРИКС является опередить своих партнеров и войти в круг избранных первым, оставив всех остальных за дверью.

Здесь уместно сказать и о переменах в позициях КНР. Когда еще во времена Дэн Сяопина Китай начинал свою экономическую реформу, это было встречено в остальном мире, и особенно в СССР, с большой долей скептицизма. В Советском Союзе хорошо помнили период так называемых «косыгинских реформ» 1964–1965 гг. и их незавидную судьбу, а поэтому откровенно не верили, что у китайцев получится что-либо путное. При этом то ли по недоразумению, то ли по команде сверху специалисты не обращали внимания на целый ряд обстоятельств, сопровождавших китайскую реформу, которых не было в советских реформах. То, что сама эта реформа была весьма тщательно разработана и увязана со спецификой китайского общества и его традиций, как-то не считалось достаточной гарантией успеха.

Но вот такие элементы, как сильный удар по позициям государственной бюрократии, нанесенный культурной революцией в 1966–1974 гг., или массовая посылка за счет государства десятков тысяч молодых китайцев в США и Западную Европу, — этому особенного значения не придавали по разным причинам. Так, удар по китайской бюрократии, заставивший ее «уйти в тень» почти на десять лет, не вмешиваться в ход экономической реформы, дать возможность созреть предпринимательскому классу, в какой-то мере был подсказан тщательным изучением в Китае судьбы «косыгинских реформ» в СССР, которые советская бюрократия превратила в пустой звук (это же, кстати, грозит и сейчас российским реформам 1990-х гг.). В Китае к вмешательству бюрократии в экономику относятся весьма серьезно, а зарвавшихся бюрократов, пойманных на взятках, публично расстреливают, что свидетель-

ствуется о значительно большем значении этого фактора для китайских реформ.

Не меньшее значение для их успеха имела и практика массового обучения студентов и аспирантов за рубежом. Конечно, какая-то их часть обратно не вернулась. Это понятно, но, с другой стороны, когда начался массовый завоз в страну иностранных технологий, когда появилась острая нужда в специалистах по управлению этими технологиями, необходимые кадры уже были в наличии. Если сочетать эти составные части реформ с глубоко продуманными переменами в политическом режиме (регулярная сменяемость руководящих кадров, открытость решений, свобода передвижения населения и многое другое), то понятно, что китайские реформы, в отличие от российских, были обречены на успех, а это создавало весьма чувствительный фон для перемен в международном положении обеих держав.

В период 1990-х гг., когда в мире развитых стран царил скептицизм в отношении Китая и оптимизм в отношении реформ в России (это было подтверждено решением 1998 г. о полном членстве России в «восьмерке» развитых стран), в рамках «треугольника» создался определенный перевес в пользу России. Китаю отказали в приеме в «восьмерку», его прием в ВТО был преднамеренно затянут (впрочем, как и прием России). Соединенные Штаты, соблюдая принцип «равной удаленности» в рамках «треугольника», все же склонялись больше в сторону России, которая обещала стать «демократией», в то время как Коммунистическая партия Китая твердо оставалась у власти в своей стране. Вместе с тем уже тогда в пользу Китая в США начал действовать такой фактор, как позиция деловых кругов, для которых Китай стал выгодным рынком сбыта продукции и приложения капиталов, в то время как Россия все никак не могла разобраться со своей системой управления экономикой (хотя под влиянием роста цен на нефть в России уже появились серьезные деньги).

Но «цыпляют по осени считают», и в период 2000-х гг. китайская экономическая реформа продемонстрировала полный успех. Темпы роста экономики в отдельные годы достигали 12%, быстро рос объем ВВП и торговли с развитыми странами, увеличивались золотовалютные резервы. К середине 2000-х гг. Китай решительно потеснил Россию в мировой хозяйственной иерархии и начал угрожать позициям Японии. Важно при этом подчеркнуть, что рост экономики Китая происходил не за счет увеличения сельскохозяйственной продукции и предметов ширпотреба, а за счет роста производства электроники, химии, автомобилей. В 2011 г. Китай по всем показателям достиг места второго ВВП в мире (после США, а если учитывать ВВП Европейского Союза, то — третьего) и стал рассматриваться как претендент на роль лидера группы стран с быстроразвивающейся экономикой. О России в этой связи даже не упоминали, потому что Индия и Бразилия также обогнали ее по размерам ВВП. Погруженная в бюрократические игры Россия топталась на месте.

Все это не могло не сказаться на состоянии дел в «треугольнике». Соединенные Штаты, переживавшие в этот период совместно с другими развитыми странами тяжелейший финансовый кризис, при президенте Б. Обаме взяли своеобразный «тайм-аут», сократив свою активность в мире и добиваясь в первую очередь выхода из войны в Ираке (в 2011 г. американские войска были выведены оттуда) и в Афганистане (президент Б. Обама обещал вывести войска из этой страны к 2014 г.). Поэтому, сохраняя в принципе интерес к событиям в «треугольнике», они не стали заметным образом реагировать на головокругительный успех Китая. Надо было разобраться с тем, насколько экономический успех Китая менял политическую составляющую «треугольника» и готовить какие-то необходимые решения.

США: роль в «треугольнике»

Нельзя не признать, что с того момента, как закончил свое существование Советский Союз, Соединенные Штаты играют центральную роль в «треугольнике» отношений с Китаем и Россией. Это объясняется тем, что из всей троицы только США сохранили в полном объеме статус сверхдержавы, а также тем, что их положение в этой структуре претерпело наименьшие изменения. Если Россия пошла по пути снижения советской роли и поиска места поскромнее, а Китай, наоборот, в силу успехов своей экономической реформы заставил другие страны пересмотреть свое отношение к нему, Соединенные Штаты прошли свой путь развития, в чем-то также драматичный, но все же избежавший крайностей.

Был период, когда Соединенные Штаты, вполне заслуженно, хотя и не совсем к месту, сочли себя «центром вселенной». Победа в холодной войне, сохранение ядерного потенциала и доведение до совершенства потенциала обычных вооружений, экономическая мощь, технологическое превосходство, положение лидера целой группы государств и межгосударственных объединений (НАТО, ОАГ) — все это, безусловно, давало основания для того, чтобы многие в Вашингтоне сочли, что «американский век» наконец-то «состоялся». Не возражали против этого ни Китай, ни Россия, хотя в своих общих декларациях они осторожно высказывались против «моноцентризма в современном мире». Тем не менее в рамках «треугольника» это положение США в принципе не оспаривалось.

А дальше пошел вполне естественный процесс накопления ошибок в действиях Вашингтона. Сначала решение о расширении НАТО (1995 г.), а затем — война против Югославии (1999 г.) вынудили Россию существенно пересмотреть свое отношение к США. Многие российские политики как консервативного, так и националистического толка стали рас-

сматривать США как «угрозу» и как нового вероятного противника. В рамках «треугольника» этот поворот сыграл роль дополнительного фактора в политике сближения (иногда — демонстративного) России с Китаем. В Пекине не стали отталкивать протянутую руку и ответили на авансы Москвы. Обе страны сели за стол переговоров и начали обсуждение пограничных проблем, сыгравших столь драматическую роль в развязывании советско-китайского конфликта 1969 г.

И Россия и Китай понимали, что нельзя дать вырасти пропасти между собой и Соединенными Штатами. При всем уважении к потенциалу и возможностям США (которые бездарно тратились в Ираке и Афганистане) они считали, что «треугольник» не должен быть разбалансированным и превратиться в структуру закрепления доминирующей роли США в международных отношениях. И Россия и Китай, иногда согласовывая между собой свои действия, а иногда действуя самостоятельно, пытались найти сферы, в которых США не могли обойтись без их участия. В сущности, вся идея «перезагрузки» отношений, ставшая основой политики США в отношении России при президенте Обаме, была построена на трезвом учете шансов решить те вопросы, в которых США не могли обойтись без России: дальнейший контроль над стратегическими вооружениями, противоракетная оборона (ПРО), выход из войны в Афганистане, противодействие разработке ядерного оружия в Иране, энергетическая безопасность, европейская безопасность, эксплуатация ресурсов Арктики и некоторые другие сферы. При этом старались не затрагивать таких особо чувствительных и болезненных вопросов, как демократия, права человека, уважение личной и частной собственности и т.п. По этим вопросам, наоборот, позиции России и США все больше расходились.

Трудно было Вашингтону строить свои отношения с Китаем. То, что

его экономические успехи требовали какого-то политического оформления и учета при разработке нового курса в отношении Китая, сомнений не вызывало. Но Соединенные Штаты, следуя привычной европоцентричной традиции, ожидали, что китайское руководство каким-то образом (в официальных декларациях, решениях пленумов ЦК компартии или сессий Всекитайского Совета народных представителей) само заявит о переменах в своих взглядах на современный мир, о какой-то новой стратегии, отражающей усиление Китая, о новых целях. Этого пока не происходит. Китайские лидеры, заслуженно гордясь успехами своей экономики, не торопятся провозглашать какие-то новые стратегические цели и новые направления политики. Они продолжают предыдущий курс укрепления обороноспособности, повышения жизненного уровня народа, строительства новой инфраструктуры, как будто никаких перемен в экономическом статусе Китая не произошло. Это и вызывает недоумение, подозрительность и нервность в Соединенных Штатах (и не только там — в Европе, Японии, Корее, Индии, Юго-Восточной Азии и даже в России).

Политика США в отношении Китая и в рамках «треугольника» и в более широком масштабе зависла в неопределенности. Превращение Китая во вторую экономику мира, конечно же, сулит определенные перспективы, особенно учитывая, что сейчас экономика США переживает отнюдь не лучшие времена. Объединение ресурсов и усилий с Китаем могло бы сыграть свою роль в преодолении кризиса, а также создать новые горизонты для финансовой и научно-технической экспансии США. Но с другой стороны, существует проблема Тайваня, которым США не намерены жертвовать в угоду Китаю; существуют проблемы других союзников США в регионе — это Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, которые так-

же с тревогой реагируют на успехи Китая. Существует Индия, которой не дает покоя рост экономического и научно-технического потенциала Китая.

Наконец, имеется третья вершина «треугольника» — Россия, которая частично пытается изобразить радость по поводу экономического успеха Китая, но в то же время бьет тревогу по поводу превращения собственной экономики в сырьевой придаток китайской, по поводу неизбежного проникновения китайской эмиграции в полупустую Сибирь, по поводу роста бюджета китайских вооруженных сил и, в частности, их сухопутных войск, что должно сыграть решающую роль в создании ситуации угрозы российскому Дальнему Востоку (не потому, что об этом говорят китайские руководители, а потому, что к этому выводу приводит квалифицированный анализ военных расходов Китая). Так вот, эта сторона позиции России не может не учитываться в американских концепциях возможных вариантов действий в рамках «треугольника».

Американским специалистам трудно найти оптимальное соотношение между всеми слагаемыми задачи. Во-первых, не отталкивать Китай, не делать из него врага, не поощрять в Китае антиамериканизм. Наоборот, использовать все возможности, чтобы как можно активнее закрепить проамериканские элементы во внутренней и внешней политике Китая. Во-вторых, при этом понимать, что речь идет ни много ни мало о крупнейшей демографической величине современного мира, которая сейчас вроде бы обрела способность прокормить собственное население, обеспечить его работой и дать ему надежду на будущее. Это не может не выделять Китай из числа остальных стран, поскольку свидетельствует об успехе американской модели в древней азиатской стране, уже в силу этого способной найти решение пугающей американцев перспективы «столкновения цивилизаций». В-третьих, найти та-

кой способ скорректировать сложившийся мировой порядок, в котором наряду с США и их союзниками в Европе и на Дальнем Востоке нашел бы для себя достойное место и Китай, потеснив при этом других участников БРИКС, в том числе и Россию.

Но решение всех этих вопросов не может и не должно выглядеть как «бой с тенью». Если в экономической сфере факт быстрого развития Китая еще можно как-то осмыслить и включить в стратегию «решения проблем» (например, пригласить Китая войти в состав «восьмерки» и Организацию экономического сотрудничества и развития — ОЭСР, начать цикл переговоров о разделе рынков, установить критерии передачи новых технологий, пересмотреть условия инвестиций в Китае и т.д.), то в политической области сделать это крайне трудно. Во-первых, надо хотя бы приблизительно понять, чего хотят китайцы, добившись экономических успехов. Во-вторых, опираясь на факторы экономических интересов, надо определить, насколько здесь возможна сделка с Китаем и ее хотя бы приблизительные параметры. И вообще, надо попытаться определить, что такое экономический успех Китая: благословение, при котором в открытую мировую экономику вливаются более миллиарда потребителей и их трудовая энергия (и это, безусловно, еще больше меняет глобальное соотношение сил в пользу той части мировой системы, которая создана США), — или же это потенциальная опасность, угроза конкуренции между «старым» и «новым» капитализмом, чреватая в том числе и военными разборками. Неспроста ведь по мере экономического роста Китая опережающими темпами растет и его военный бюджет (в том числе интересующие США ассигнования на ВМС, ракетные войска и авиацию).

Если помнить о проблемах Тайваня, о спорах между Китаем и его соседями по поводу отдельных островов, о про-

блеме Индии и т.п., то военные приготовления Китая должны настораживать. Будет ли Пекин и дальше соглашаться на сложившийся по периметру его границ статус-кво или же захочет его изменить? Если китайские военные, получив большие средства из бюджета, захотят усилить свое влияние на принимаемые высшим руководством решения, сумеет ли это руководство удержать их в «рамках приличий»? Будет ли в целом Китай и дальше поддерживать сложившийся порядок в мировой политике и в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) или же за его экономическим успехом последует внешнеполитическая активизация, которую и в США, и в союзных странах расценят как угрозу сложившемуся порядку, борьбу против статус-кво? И как ответить на все эти вопросы Соединенным Штатам: в одиночку, совместно с союзниками — или же привлекать Россию?

Вопросов много, ответов пока мало. В частности, вопрос о роли России. Нынешнее состояние дел в российско-американских отношениях не располагает к большому оптимизму. После начального периода «перезагрузки» и сопутствующего энтузиазма эти отношения как-то «съежились». Успехи в области контроля над стратегическими вооружениями и сотрудничества в Афганистане сопровождаются неудачами по вопросам ПРО, отношений с Ираном и более всего — расхождениями по сирийскому вопросу. Говорить о возможности новой холодной войны еще рано, но и торжествовать по поводу «дружбы» нет никаких оснований. И здесь появляется проблема будущих решений в Китае. Ведь хорошо известно, что китайской экономике нужен доступ к ресурсам Сибири, избыточному населению Китая необходимо дополнительное жизненное пространство, которое оно видит в слабозаселенной и не очень интенсивно освоенной соседней территории на севере от Китая.

Если российское руководство разделяет опасения по поводу будущего своих отношений с соседом-гигантом, то можно будет попробовать убедить его координировать свою политику на Востоке с Вашингтоном. Речь ни в коем случае не идет о каком-то военном сотрудничестве. В США прекрасно понимают, что Москва никогда не пойдет на это. Но можно предположить другой вариант совместного «сдерживания» Китая — активное содействие его дальнейшему экономическому процветанию, в том числе поставками российского сырья по приемлемым ценам и продолжением потока американских инвестиций, с тем, чтобы соображения экономической выгоды и дальнейшего роста уровня жизни населения перевесили все аргументы в пользу военно-политической активности Пекина. В этом случае в рамках «треугольника» можно было бы создать систему своеобразного взаимного «сдерживания» всех трех вершин ради поддержания статус-кво.

Наращивание неравномерности

В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин выделяет среди прочих факторов обострения международной конкуренции и такой, как «неравномерность развития отдельных стран»¹. Действительно, разные страны с разными стартовыми позициями и разными культурно-цивилизационными ресурсами участвуют в мировой гонке. Одни удачно используют появляющиеся там возможности, другие — упускают их и теряют позиции. В книге известного американского исследователя П. Кеннеди «Взлет и падение великих держав»², где автор исследовал соперничество ведущих держав мира за последние пятьсот лет, достаточно аргументированно и наглядно показан процесс смены ролей отдельных империй, который и завершился в XX столетии распадом практически всех имперских образований и формирова-

нием мировой системы, состоящей из государств-наций.

Но все дело в том, что период соперничества между отдельными странами не завершается с распадом империй. Соперничество продолжается (и довольно активно), только меняются его сферы, объекты, мотивы, методы, и если на стадии имперского развития страны больше соревнуются в накоплении военной силы, контроля над зависимыми территориями и человеческими массами, в технологической гонке, то на стадии, когда основными участниками становятся государства-нации, в этом процессе происходят определенные перемены. Соперничают уже уровни жизни населения, процессы принятия государственных решений и их качество, культурные и научные достижения, показатели комфортности жизни. Они не отменяют действие в международной политике таких факторов, как военная или экономическая мощь, политическое влияние, применение силы при решении спорных вопросов. Но они как бы создают иную реальность параллельно уже сложившейся и активно влияют на симпатии и антипатии населения, его предпочтения, позиции разных общественных групп и классов и т.д.

Рост значения невоенных, гуманитарных факторов в соперничестве разных стран меняет содержание и самих процессов соперничества. Эту сторону современных международных отношений изучил и оценил известный американский специалист-международник Дж. Най, разработавший концепцию «мягкой», или «умной», силы³. В отличие от подавляющего большинства своих коллег в США и в остальном мире, он сумел уйти от магии чисел в области военных потенциалов и сопоставления возможностей. Он сумел найти поворот, который объяснил, почему при огромной асимметрии возможностей между СССР и Афганистаном, США и Вьетнамом (а затем — опять же с Афганистаном) ни Советский Союз, ни Со-

единенные Штаты не могли добиться военной победы и были вынуждены бесславно увести свои войска домой.

Исследуя дальше фактор «умной» силы, Дж. Най доказывает, что рядом с исторической инерцией сохранения военной силы в арсенале политики держав (возможности применения этой силы ограничены степенью ее разрушительности), развивается параллельный мир соперничества в области разума, интеллекта, способности лучше и глубже понимать происходящее вокруг и принимать на этой основе разумные решения. Не грубая сила оружия и не более утонченная сила денег становятся определяющим фактором успеха, а сила знания и умения использовать его для достижения обоснованных и легитимных целей. Эта особенность современного соперничества на международной арене жидется как на дискредитации роли оружия, на обоснованных в связи с финансовым кризисом сомнениях в способности денег решать все проблемы, так и на учете итогов научно-технического прогресса, который среди прочих результатов ведет к увеличению числа образованных людей и квалифицированных специалистов, умению планировать операции, использовать научную экспертизу для разработки оптимальных решений.

Все эти факторы сказались на отношениях вокруг «треугольника». Соединенные Штаты не всегда уверенно, но пытались строить свою политику на основе научного анализа. В отдельные периоды это не получалось, например, при администрации Дж. Буша-мл., но даже когда та или иная группировка в политических кругах США не соизмеряет свои решения с имеющимися ресурсами и предпринимает действия, несущие обратный эффект ее интересам, вокруг нее всегда имеется критически мыслящая среда, помогающая убедиться либо в необходимости изменения политики, либо в необходимости смены тех, кто принимает решения. В какой-то степени, хотя

и не совсем, Китай, потратив драгоценное время и огромные средства на обучение новой научно-технической элиты, сумел добиться резкого повышения качества решений своего руководства и умения обеспечивать эти решения необходимыми ресурсами и кадровым сопровождением.

На этом фоне российская политика выглядит весьма неутешительно. Отдельные попытки создать кадровый резерв и построить разветвленную систему обсуждения и принятия решений, безусловно, предпринимались. В отдельных выступлениях руководителей содержались правильные слова и мысли. Но все это предпринималось в обстановке диктатуры бюрократии, которая способна, не отвлекаясь на полемику (эту честь она предоставляет наемным «интеллектуалам»), выхолостить любое разумное решение, извлечь из него то, что может перенести ей зримую и немедленную пользу в виде «бабла», оставить без последствий любые самые нужные решения. Тем более что политический контроль над информационным пространством позволяет бюрократии по-своему представлять итоги ее правления как свидетельство «мудрости» и «эффективности» существующего режима. Реальное состояние дел в стране, утечка кадров и квалифицированных специалистов за рубеж, продолжающаяся депопуляция страны — все это ее мало волнует.

Суть дела здесь совсем не в полемике между сторонниками и противниками режима, эту сферу вполне можно оставить российскому телевидению. Проблема в том, что Россия, несмотря на свои гигантские масштабы, не одинока, она существует в мире острой конкуренции и борьбы за наиболее удачные решения существующих проблем — как внутренних (продовольствие, жилье, транспорт, межэтнические отношения, здравоохранение, образование и т.п.), так и внешних (доступ к современным технологиям, борьба за рынки, обеспечение безопасно-

сти, борьба с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной иммиграцией). Кроме того, именно из-за своих размеров и наличия огромных ресурсов Россия имеет определенные долги перед мировой общественностью в решении глобальных проблем, связанных с ресурсами, окружающей средой, ростом народонаселения.

Если во всех этих сферах она будет дальше отставать от двух других вершин «треугольника», если она продемонстрирует неспособность работать на одном уровне с ними и будет продолжать топтаться на месте, то может сложиться своего рода «консенсус» между США и Китаем о необходимости найти лучшее применение российским ресурсам, чем незаконное обогащение существующей верхушки. Это будет поддержано другими странами, которым также нужны эти ресурсы, и оппозиционными элементами в политических кругах России, которые видят неспособность нынешнего режима вывести страну из кризиса и дать стимул ее экономическому и социальному развитию.

Таким образом, изучение нынешнего состояния дел в «треугольнике» США —

Китай — Россия только подтверждает вывод о том, что чем дальше в них сохранилась неопределенность, тем более сложные и серьезные вопросы она ставит перед руководством его составляющих вершин. «Чем дальше в лес, — гласит народная пословица, — тем больше дров». Чем дальше идет процесс развития и совершенствования политики, экономики и общественного развития в странах «треугольника», тем более сложные и трудные проблемы они ставят перед руководителями этих стран. При этом понятно, что вряд ли можно рассчитывать на какое-то снисхождение или «понимание» со стороны других конкурентов (в конце концов, стартовые позиции у всех примерно одинаковы), и еще больше сомнений вызывает возможность улучшить их военными приготовлениями. Пока что в рамках «треугольника» существуют военная патовая ситуация, и весь процесс соперничества будет определяться способностью стран мобилизовать свой интеллектуальный и организационный потенциал, на базе законных и открытых принципов.

¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. М. : Политиздат, 1972. Т. 27. С. 299–426. [Lenin V.I. Polnoye sobr. Soch., M. Politizdat, 1972. T. 27. P. 299–426.]

² Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New-York: Random House, 1987.

³ Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск — Москва, 2006. [Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk-Moskva, 2006]